

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА DISCUSSION PLATFORM

DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-2-240-252

РЕЦЕПЦИЯ ЭТИКИ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Л.И. Тетюев

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
ул. Астраханская, 83, г. Саратов, Россия, 410000

В статье анализируются теоретические основы современного проекта рациональной этики, в котором этика дискурса воспринимается в качестве критики общества и критики современной морали. И. Кант одним из первых предлагает возможность обобщения норм морали и восприятия этики как трансцендентальной критики морали. Неокантианство развивает этику в качестве важнейшей части философской системы и фиксирует ее область действия идеалистической теорией нравственности (Г. Коген, П. Наторп). В отечественной философии современная этика воспринимается как нормативная теория, имеющая отношение к вопросам самоопределения, моральной регуляции и свободы выбора. Истоки возникновения этики дискурса в философии XX века восходят к «прагматическому повороту» и к бурным дискуссиям вокруг герменевтики языка и его априорного статуса в немецкой философии и в аналитической философии относительно понимания метаэтики. Современный проект этики дискурса обосновывается как программа, ориентированная на возможность развития моральной аргументации в социальной философии Ю. Хабермаса и в трансцендентальной прагматике К.-О. Апеля. Этика дискурса в качестве критики моральной аргументации связана с дорефлексивным горизонтом жизненного мира, отчего она есть деонтологическая, формалистическая и универсальная этика. Два значимых проекта этики дискурса, представленные в статье в качестве анализа, следует определить как «слабый и сильный» варианты философского трансцендентального идеализма в современной науке.

Ключевые слова: этика, этика дискурса, критическая этика Канта, неокантианство, должностование, универсальная и трансцендентальная прагматика

Введение. Этика в современной философии воспринимается как нормативная наука, стремящаяся обратить теоретические рассуждения в практику морального суждения. Этика истолковывается и как теория, в которой осуществляется критическая рефлексия относительно исторических представлений о моральных нормах поведения человека, нравственных идеалах как ценностях, которые способствуют формированию в обществе сплоченности и солидарности. Вопросы самоопределения, моральной регуляции и свободы выбора обсуждаются в работах О.Г. Дробницкого, А.А. Гусейнова, А.В. Разина, А. Макинтайра.

Интерес к этике Канта в последние десятилетия в нашей стране вызван активным обращением к наследию великого философа, новым русским переводом кантовских лекций по этике [4], обновленным двуязычным изданием «Критики практического разума» [7], а также возрождением принципов практической философии Канта [19]. Реабилитация этического учения Канта параллельно идет и в западноевропейской философии в Германии, Франции, Англии и США. Современное «переоткрытие» русской неокантианской мысли мотивирует широкое обсуждение и глубокий интерес к исследованию проблем соотношения личности, общества и государства в этико-правовой и социально-философской перспективе [9]. Философская критическая рефлексия Канта исследуется во многих философских направлениях современной науки и философии.

Этика дискурса — программный философский ответ на вызовы современности. Этика дискурса воспринимается сегодня в качестве универсальной этики человеческого сообщества. Истоки ее возникновения восходят к пресловутому «прагматическому повороту» в середине XX века и бурным дискуссиям в аналитической философии относительно возможности метаэтики и в европейской философии — вокруг герменевтической природы языка и его априорного статуса.

Отталкиваясь от идеи этики как предпосылки логики, развиваемой К.-О. Апельем, давним другом и оппонентом философа, Юрген Хабермас (р. 1929) систематизирует проект коммуникативной этики. Для программного понимания ее специфики важными являются два сочинения — «Моральное сознание и коммуникативное действие» [8; 23], где излагается собственный проект этики дискурса, и «Пояснения к этике дискурса» (1991) [24], в котором немецкий философ уже опровергает появившуюся в современной литературе резкую критику в его адрес.

Ю. Хабермас является представителем теоретической и социальной философии, автором теории коммуникативного разума и рациональной этики в современной немецкой философии. Его критическая философия продолжает вековые традиции европейской рациональности, ориентированной на изучение сфер человеческого познания, коммуникативного действия, языка и морального сознания. Понятие коммуникативного действия философ детально разрабатывает в двухтомном труде «Теория коммуникативного действия» [22]. Коммуникативное действие предстает как *определенный способ* действия или тип социального действия, противопоставляемый классической социальной теории (инструментальной или стратегической) деятельности. Этику дискурса Хабермас обосновывает в контексте исходных оснований теории коммуникативного действия. Необходимость взаимопонимания порождает перформативную ситуацию (ситуация противоречивых высказываний в виде клятвы, обещания, предупреждения и пр.), в которой субъекты воспринимаются как равные друг другу члены совместного диалога.

Методологической основой теории коммуникативного действия выступают теория речевых актов, разработанная Дж. Остином и Дж. Сёрлом, и теория рациональности М. Вебера. «Лингвистический поворот», который в конце XX века

породил возможность смены парадигм в современной философии (переход от философии сознания к философии языка), создал условия для формирования *интерсубъективного* подхода в науке и в этике. Этика дискурса в таком ключе стала ориентироваться на формирование у членов гражданского общества моральной компетенции. Символически она не столько отражает уровень морального развития общества, сколько выступает одним из важнейших средств критики морали и критики идеологии.

В философии Хабермаса этика дискурса призвана преодолеть изоляцию областей науки, морали и искусства. В исследовании природы социального мира и коммуникации не менее важными являются положения коммуникативной парадигмы Н. Лумана и трансцендентальной прагматики языка и этики дискурса К.-О. Апеля. Непосредственное обращение к творчеству Хабермаса немецких и американских философов, таких как Дж. Роулс, К. Бауер, Р. Гёртцен, Д. Хорстер, М. Изер, Д. Штрекер, А. Хоннет, П. Низен, А. Веллер и Г. Шёнрих, позволяет оценить и увидеть масштабную панораму научных интересов философа и социальные последствия его проекта этики дискурса.

Полемические споры с коллегой К.-О. Апелем (1921—2018) и сторонниками трансцендентальной философии — Д. Болером, М. Кеттнером, В. Кульманом становятся отправными пунктами в формировании рациональной теории этики. Несмотря на различное понимание природы этики, Хабермас и Апель разрабатывают две различные программы обоснования этики дискурса. Этическая дискуссия была порождена не только научным обсуждением социальной значимости и специфики норм морали в современном обществе, но и реальной практической потребностью поиска некоего единого универсального принципа внутренней самоорганизации. Критерием нормативного обоснования в этике дискурса определяется практическая модель кантовского категорического императива. Однако уже в этом начинании серьезные критики в лице А. Веллмера, Э. Тугендхата и Г. Шёнриха стали усматривать скрытую попытку новой переформулировки традиционной кантовской этики.

Неокантианский проект философской этики. Немецкая школа этики дискурса продолжает традицию трансцендентального идеализма Канта. Это направление определяется философскими проектами Ю. Хабермаса и К.-О. Апеля. Философское понимание дискурса объясняется социальной и моральной значимостью области *интерсубъективного* познания и дискурсивной коммуникации, направленных на критическое обсуждение дискуссионных вопросов науки и теории познания, а также на разрешение противоречий и конфликтов в обществе. И если в теоретическом дискурсе теория аргументации опирается на единичные наблюдения и всеобщие гипотезы, то в практическом дискурсе, считает Хабермас, реализуется логика моральной аргументации, т. е. «признается необходимость действия морального принципа» [24. S. 11]. Этика дискурса, следовательно, ориентирована по существу на философские вопросы этики: речь идет о практической необходимости обоснования моральных норм.

Этика дискурса есть «деонтологическая, когнитивистская, формалистическая и универсальная этика», считает Хабермас [18. С. 101]. То, что она ориентируется

на нормы, делает ее деонтологической. Нормы обладают присущей им значимостью «долженствования», и философская этика, в отличие от теории познания, может быть *исходной формой* особой теории аргументации: «критика морали направлена на изменение образа действий, или корректировку выносимых о нем суждений» [18. С. 101]. Для Хабермаса важными являются основания для правил понимания дискурса, которые заимствуются им из трансцендентальной прагматики языка для создания практических условий возможного взаимопонимания. В этом смысле его проект этики дискурса кардинально расходится с философией «последнего обоснования» К.-О. Апеля. Хабермас развивает, как принято называть в европейской литературе, «слабый вариант» немецкого трансцендентализма.

Трансцендентальная теория прагматики Апеля выступает своего рода синтетической программой в современной науке. Трансформация этики Канта воспринимается им как новый проект постметафизической этики. В условиях перехода к «постконвенциональной морали» [20. S. 326—331] этика дискурса должна являться этикой ответственности. Похожего мнения придерживается и Ю. Хабермас. Однако все же в вопросах «окончательного» обоснования этики дискурса философы занимают противоположные позиции [21. S. 53—125].

Реконструкция важнейших моментов современного общества Хабермас связывает, прежде всего, с идеей *самоосознания* современности. По сути своей теорию коммуникативного действия следует воспринимать как теорию современного общества, при этом язык выступает *идеалом свободного* самопонимания. И если в развитии теории современного общества он всецело возвращается к критической теории морали, то посредством понятия коммуникативного разума обращается к теории рациональности, которой не хватало прежней теории общества.

И. Кант одним из первых предлагает возможность обобщения норм морали и восприятия этики как *трансцендентальной критики* морали. Современная этика дискурса получает содержательное определение в качестве логики моральной аргументации. Современный интерес к этике восходит к неокантианской рефлексии относительно примата практического разума.

Философия со времен Античности сохраняет в себе «имплицитную этическую мотивацию», как справедливо замечает Т. Рокмор [12. С. 106], которая постоянно порождает потребность в поиске исходных принципов обоснования жизнеспособной теории этики. Если обратиться к Античности, то уже с Сократа этическая проблематика становится центральной темой философских рассуждений. Знание, по его утверждению, обладает *нравственным измерением*; философия порождает чувство личной моральной ответственности в области знания и дел человеческих. Основные принципы сократовской этики могут быть выражены максимой «Добродетель и знание — образуют единство». В этом смысле Сократ является продолжателем линии «семи мудрецов», развивающим их моралистические взгляды. Этика философа рациональна, она утверждает, что разум и нравственность в своей основе едины.

Вопрос о значимости практической философии в последние годы приобретает специфическое значение [17], особенно в контексте развернувшейся дискуссии между европейскими теоретиками (представителями аристотелевского, томист-

ского и неогегельянского толка) и философами неокантианской ориентации. Существующие разногласия выявили значимость общественных исторических норм и предписаний, которые в своей основе исходят из универсальных моральных принципов. Практика же реального оправдания норм опирается в целом на поиск рационально мотивированного согласия либо на укорененные в практических дискурсах механизмы критической рефлексии.

Восприятие этики Канта в отечественной философии и кантоведении.

В отечественном кантоведении закрепились точка зрения, что моральная философия Канта в своих историко-философских рефлексиях основывается на этическом учении стоиков. Такой позиции придерживается Э.Ю. Соловьев [13. С. 214—226], с ним солидаризируются О.Г. Дробницкий [2. С. 433] и А.Г. Мясников [8].

В своей новой работе Э.Ю. Соловьев справедливо отмечает, что об этике Канта можно сказать, «что у нее были провозвестия, но не было предвосхищений» [14. С. 51]. Моральное учение поздних стоиков, признающих «автаркию», апеллировало, прежде всего, к мужеству человека, способного противостоять всем жизненным перипетиям, сохраняя достоинство личности и способность действовать согласно доброй воле. Страх и отчаяние, порождаемые невзгодами, можно побороть через верность принципам разума. Только разум человека делает его моральным существом, в той его универсальной сущности и всеобщности, которая исходно не может быть редуцирована к природным основам. Выделение мира нравственности как «царства свободы» — вот исходный момент автономии морального сознания.

Однако все же стоит указать и на факт принципиального расхождения Канта со стоицизмом. Прав А.К. Судаков, что для этики Канта является важным не просто критика онтологического натурализма, но он предложил детальную проработку основ поведения человека — *тематики императива* [15], порождающей исходное осмысление типологии повеления, предписания, регулирования и регламентации человеческой деятельности. Кант первым обращает внимание на нормативный, внепсихологический характер безусловных нравственных обязанностей человека, делающего его независимым от всех «природных причинностей» и «эмпирических обстоятельств». Возможность возвыситься, «приподняться» в своих сущностных измерениях над собственным эмпирическим бытием чувственно-созерцаемого мира — таков добровольный моральный долг, коренящийся в самой душе человека. То, что возвышает человека над всей природной средой, есть универсальная область нравственности, или, как он определяет сам, сфера *трансцендентального* долженствования.

Но на чем предлагает Кант, в отличие от всей предшествующей традиции моралистов Мишеля Монтеня, Блеза Паскаля, Пьера Бейля и Давида Юма, основывать сферу трансцендентального *долженствования*? Как же возможно соотношение свободы и нравственного закона? Поиски истока нравственности, как замечает акад. Т.И. Ойзерман, увенчались определением чистой, или априорной, нравственности [10. С. 4].

Уже в ранней работе «Исследование степени ясности принципов естественной теологии и морали» (1764) [5. С. 243—276], различая предписания религии

и морали, Кант вводит *принцип долженствования* в качестве побудительного мотива нравственного деяния, в формуле которого проявляются очертания исходного основания для различения как «гипотетического», так и «категорического» императива, связанного со свободой воли.

«Должное» в философии И. Канта, замечает Н.Н. Епифанова, имеет «волеопределяющий характер нравственности, поскольку касается вопроса о необходимости определения основополагающих побудительных, или даже ограничительных, мотивов, заставляющих человека поступать морально, — подчиняться требованиям морально должного» [3. С. 34]. Стало быть, моральное должное имеет непосредственное отношение к сущностной цели самого человека. Уже тот факт, что человек становится причастным к интеллигибельному миру, делает его возможное поведение свободным и разумным. И. Кант пишет: «Мораль, поскольку она основана на понятии о человеке как существе свободном, но и именно поэтому и связывающем себя безусловными законами посредством своего разума, не нуждается ни в идее о другом существе над ним, чтобы познать свой долг, ни в других мотивах, кроме самого закона, чтобы этот долг исполнить» [6. С. 78].

Вопросом «Что я должен делать?» И. Кант определяет высшую максиму применения практического разума. Для него нравственный закон выступает особым законом, который предполагает в качестве практического *Априори* выведение основных этических понятий. Нравственная свобода, задающая смысл и значимость нравственного закона, определяется им как идеальное условие необходимости действовать из чувства уважения к нравственному закону. Нравственные действия, стало быть, амбивалентны, т. е. есть поступки, которые соотносятся с долгом, но и есть поступки, которые человек совершает, исходя только из чувства долга.

Как отмечает Г. Коген, глава Марбургской школы неокантианства, история философской этики вращается постоянно вокруг ее задач, поэтому задачу этики следует понимать не онтологически, а в аспекте модальности долженствования — «что *должно быть*». Область «должного» тем самым расширяет понятие долга до понимания его как долга человека перед самим собой и человеческим родом и как безусловное обоснование личного морального достоинства. Нравственное Априори субъекта создает изначальный горизонт критического подхода к человеку. Именно человек выступает объектом этики, и она должна определяться этим понятием. «Этика есть теория человека, и в ней философия обретает свое подлинное единство», считает Г. Коген, поскольку человек «всегда является единичным во множественности» [16. С. 190]. Настоящей проблемой этики является проблема определения человека как множественности и как всеобщности.

Этическая реальность долженствования у Канта имеет два измерения — долженствование по долгу и долженствование по принуждению. А это значит, что в этике специфика долженствования существенным образом отличается от долженствования права и религии. Как верно комментирует это когеновское положение В.Н. Белов, «бытие долженствования не является природным бытием потому, что моральный закон, который руководит практическим применением разума, направлен прежде всего на такие предметы, которых в действительности

еще нет, но которые должны быть» [1. С. 178]. Стало быть, долженствование не может дедуцироваться из опыта: любой опыт исторически мотивирован и ограничен во времени, он является не всегда достоверным, и тем более не может содержать нормативные основания для практического действия или морального поведения.

Исследование этики Канта в марбургском неокантианстве (П. Наторп, Э. Кассирер) осуществляется в контексте идей критической философии Германа Когена, который продолжает развитие кантианского замысла *трансцендентального идеализма*, но при этом все же стремится преодолеть Канта. Решительный мотив «преодоления» объясняется расхождением его с последующим послекантовским идеализмом. Можно сказать, что неокантианец осуществляет переоткрытие классического идеализма, восходящего к философии Платона и самому Канту.

Почему так важно обращение к идеализму Канта? Неокантианство Ю. Хабермаса определяется также идеей возврата к Канту. В чем смысл этого неокантианского жеста? Для чего необходимо вернуться к истокам критической философии, чтобы вновь возродить то нечто, потерянное в послекантовском идеализме?

Ответ сформулирован в программной работе Ю. Хабермаса [18; 21], посвященной обоснованию этики дискурса. Прежде всего это — важнейшее рефлексивное различие фундаментальных принципов трансцендентальной этики — *принципа универсальности, принципа автономности и категорического императива*.

После Канта и неокантианцев представление об этике как теории морали превратилось в критику морали. Моральные феномены были противопоставлены природному миру, миру физических феноменов. Этот дуализм бытия и должного (сущего и должного) усиливался еще и тем, что культура исходно была включена в предмет этики как сфера ценного, т. е. как сфера сверхприродного. В немецком неокантианстве, например, Г. Риккерт считал, что только в культуре зарождается возможность сформировать первоначальный опыт морали и первоначальный принцип субъекта нравственных, общезначимых ценностей, которые и задают индивидуальность этического мира. Ценность рассматривается им как своего рода «прибавка» трансцендентального *значимого смысла* к природному миру [11. С. 281—283]. Культура и мир ценностей тем самым взаимно предполагают друг друга, поскольку основанием их связи *a priori* является автономная сфера нравственности.

Современные дискуссии вокруг философской этики дискурса. В 80—90-е годы XX века проблемы этики становятся предметом многоаспектной дискуссии. Так, например, Т. Рокмор указывает на тот факт, что современный диспут по этическим проблемам имеет три измерения, спор идет между неоаристотелианцами или коммунитаристами и неотомистами (Макинтайр), а также скептиками и неокантианскими когнитивистами [12. С. 106—117]. К представителям кантианского когнитивизма он причисляет немецкую школу, представленную взглядами К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса. Оба разрабатывают, каждый на свой философский манер, теорию этики дискурса, оставаясь в русле этики Канта и традиции неокантианского обоснования этики.

Заметим, что интерес Ю. Хабермаса к проблемам неокантианской этики рождается из его раннего увлечения марксистской философией и последующим осознанным отходом от неомарксизма Франкфуртской школы и смелым критическим возвращением к Канту. Опыт разработки критической теории немецкий философ практически применяет к основам рациональной этики, превращая ее в критику морали общества. Неокантианский мотив проявляется особенно сильно в полемике Ю. Хабермаса с автором теории справедливости Дж. Роулсом, отстаивающим взгляды либерального философа и стоящего якобы на позиции Канта в этике. Свою программу этики дискурса Хабермас обосновывает исходя из разработанной им общей теории коммуникативного действия, в которой неокантианский подход к этике подтверждается критической оценкой и радикальным отходом от социальной теории К. Маркса и неомарксизма. В литературе данный поворот принято именовать «поворотом от контекстуализма к антиконтекстуализму», который и можно понимать как теоретический поиск концептуальных основ для нового обоснования рациональной этики.

Новое кантианское прочтение этики предлагает и К.-О. Апель [20; 29]. Его вариант этики дискурса во многом схож с программой Ю. Хабермаса, последний причисляет его к своему учителю и наставнику. В основу этики дискурса Апель закладывает принцип «последнего обоснования» (*Letztbegründung*), который для отдельного лица выражается предельным обращением к идеальному неограниченному коммуникативному сообществу. Стратегический смысл расхождения заключается в том, что этику Апель интерпретирует на неокантианский манер как априорную предпосылку логики. Отношения между людьми складываются на основе нравственной связи, прагматическим основанием нравственности выступает язык, поскольку он и является медиумом между людьми. Отсюда его призыв о возможности обоснования общечеловеческой этики, этики рациональной и дискурсивной ответственности воспринимается сегодня в науке и философии в качестве стратегии эвристического поиска межличностного диалога и реконструктивного возвращения трансцендентально-прагматического проекта «этики логики», моральной аргументации.

В современной западноевропейской философии лидирующее положение занимают прагматические концепции этики: это, прежде всего, теории К.-О. Апеля, В. Кульманна и Ю. Хабермаса. Развитие этики дискурса сопровождается и резкая критика со стороны давних оппонентов, представителей критического рационализма и конструктивизма, а также философов, ориентированных на развитие современной трансцендентальной философии (труды Х. Крингса, Г. Шёнриха, К.-Х. Итлинга). Критики справедливо считают, что универсальными нормами морали не могут выступать общие нормы аргументации, поскольку мораль в данном случае будет восприниматься всего лишь как следствие случайных аргументов или коммуникативных практик (А. Веллмер, Ф. Камбартель, Т. Рокмор). Так или иначе, но прагматическая *переформулировка* этики раскрывает современную перспективу для обоснования новой формы поиска «последнего основания». И Апель, и Хабермас пытаются показать, что моральный принцип может быть обоснован на всеобщих структурах коммуникативной аргументации.

А. Веллмер выдвигает возражения против подобного обоснования этики дискурса. Он утверждает, что этика дискурса, с одной стороны, не является кантовской, а с другой — не достаточно она является и кантовской. Близко к позиции Канта определяются предпосылки идеалистического обоснования консенсусной теории, которая понимается как программа «конечного обоснования». Однако предложенный способ обоснования этого положения, считает исследователь, имеет мало общего с кантовской аргументацией [28. S. 11].

Г. Шёнрих в своем анализе возможностей теории дискурса ограничивает этику дискурса ценой «последнего обоснования». Этика дискурса, пишет он, как кажется на первый взгляд, открывает новое измерение для этики, однако в реальности она закрывает кантовский смысл этического. Этика ответственности в итоге перенимает на себя ненужные ей функции. Ни дуальная концепция обоснования норм у Хабермаса, ни вариант Апеля с предложением ввести принцип дополнительного расширения норм не спасают ситуацию в отношении применения этики дискурса. Понятие свободы, а шире, и проблема зла могли бы, по мнению Г. Шёнриха [26. S. 10—11, 17—18], усилить свободный дух этики дискурса. Проблема обоснования остается не до конца разрешенной даже при сильных претензиях Апеля на применение трансцендентально-прагматической аргументации.

Теорию коммуникативную разума Ю. Хабермас концептуально подкрепляет идеей возрождения «утраченной силы религии». Свою позицию он поясняет существованием в обществе «*трансцендентальной точки зрения*», которая находит свое адекватное выражение в религии [22. S. 126, 140, 487]. Отсюда и выход из сложившегося кризиса культурного модернизма он видит в возврате к новоевропейской «философии субъекта», но только с одной лишь разницей: в современных условиях «философия субъекта» может быть модернизирована в концепцию интерсубъективного коммуникативного сообщества. Чувство восприятия себя свободным гражданином — это есть, прежде всего, *рефлексивная* способность каждого отдельного человека, частного члена коммуникативного сообщества, но не целого. Справедливы возражения философов [27. S. 11—26; 17. С. 46—47], что интерсубъективная идентичность сообщества и его членов может определяться значимостью иных коммуникативных сообществ в современном секуляризованном мире: общей доступностью образования, массовой популярностью СМИ и активным расширением социальных сетей, профсоюзных объединений и союзов. За этим стоит свободный и индивидуальный выбор каждого отдельного лица.

Ю. Хабермас все же отстаивает другую точку зрения. Процесс освобождения от мифических и религиозных картин мира он, как и М. Вебер, связывает с социальным освобождением, а весь историзм познания отождествляет с конечным состоянием существующих теоретических дискурсов, в которых нередко сам образ конкурирующих картин мира изначально ставился под вопрос.

Заключение. В современных условиях развития этики как нормативной науки, как видим, заметно наметился общий мотив формирования новой парадигмы этики. Ее прагматическая переориентация близка этической проблематике,

свойственной всей философии «прагматического поворота». Острая научная дискуссия во многом объясняет и саму этическую тематику, которая строго задается социально-политическими запросами современности.

Кантовская идея автономии этики и спор вокруг ее концептуальных вопросов демонстрирует важность поднимаемого в современной философии вопроса о поиске *единого принципа* трансцендентального обоснования исходных основ морального сознания. Независимость философской этики от этики теоретической, морали от основ религии имеет своим исходным, априорным, основанием *принцип практической свободы* — понятие о человеке как существе свободном и лично ответственным. С позиции современной прагматической этики это уже означает, что мы имеем дело не с тем, что делает из человека природа, а с тем, что он, как свободно действующее лицо, делает или может и должен делать из себя сам.

Этика дискурса рождается из реальной необходимости обоснования моральных требований и норм. Этика в качестве критики моральной аргументации связана с дорефлексивным горизонтом жизненного мира, отчего она есть деонтологическая, формалистическая и универсальная этика. Проект этики дискурса может быть критически осмыслен как новый вариант философского трансцендентального идеализма в современной науке.

© Тетюев Л.И., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Белов В.Н. Этика в системе философского критицизма Германа Когена // Этическая мысль. Ежегодник. М.: ИФ РАН, 2014. С. 174—199.
- [2] Дробницкий О.Г. Моральная философия: Изб. труды / сост. Р.Г. Апресян. М., 2002.
- [3] Епифанова Н.Н. Понятие «морального должного»: И. Кант и неокантианство // Проблемы этики: историко-философский и профессиональный контекст / отв. ред. Л.И. Тетюев. Саратов: ИЦ «Наука», 2015. С. 34—41.
- [4] Кант И. Лекции по этике / пер. А.К.Судакова и В.В. Крыловой. Общ. ред., сост. и вступит. ст. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 2000. 431 с.
- [5] Кант И. Исследование степени ясности принципов естественной теологии и морали // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1963—1966. Т. 2. С. 243—276.
- [6] Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 78—278.
- [7] Кант И. Критика практического разума / пер. под ред. Э. Ю.Соловьева // Кант И. Соч. на русс. и нем. яз.: в 4 т. М.: Московский философский фонд, 1997. Т. 3. 784 с.
- [8] Мясников А.Г. Иммануил Кант и Владимир Соловьев: проблема истолкования категорического императива // Иммануил Кант и актуальные проблемы современной философии / под общей ред. Л.И. Тетюева: в 2 т. М.: Изд-во «Экшэн», 2005. Т. 1. С. 146—147.
- [9] Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой. М.: РОССПЭН, 2010. 567 с.
- [10] Ойзерман Т.И. Нравственное сознание и религия в системе И. Канта // Кантовский сборник. 1993. Вып. 17. С. 3—11.

- [11] *Риккерт Г.* Философия жизни. Киев: Ника-Центр, 1998.
- [12] *Рокмор Т.* К критике этики дискурса // *Вопросы философии*. 1995. № 1. С. 106—117.
- [13] *Соловьев Э.Ю.* Знание, вера, нравственность // *Наука и нравственность*. М., 1971. С. 214—226.
- [14] *Соловьев Э.В.* Категорический императив нравственности и права. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 416 с.
- [15] *Судаков А.К.* Стоическая и эпикурейская тенденция в этике Канта. М., ИФ РАН, 1991.
- [16] *Тетюев Л.И.* Пома А. Критическая философия Германа Когена // *Вопросы философии*. 2012. № 12. С. 189—190.
- [17] *Тетюев Л.И.* Кант и современная практическая философия: Актуальные проблемы и дискуссии. Саратов: ИЦ «Наука», 2018.
- [18] *Хабермас Ю.* Этика дискурса: замечания к программе обоснования // *Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие*. СПб.: Наука, 2000. С. 67—172.
- [19] *Философия Канта и основания практической философии: монография / под общ. ред. В.Н. Белова и Л.И. Тетюева*. Саратов: Новый проект, 2013. 204 с.
- [20] *Apel K.-O.* Diskursethik als Verantwortungsethik — eine postmetaphysische Transformation der Ethik Kants // *Kant in der Diskussion der Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996. S. 326—331.
- [21] *Habermas J.* Diskursethik — Notizen zu einem Begründungsprogramm // *Habermas J. Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983. S. 53—126.
- [22] *Habermas J.* Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft // *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns*. In 2 Bd. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. Bd. 2.
- [23] *Habermas J.* Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. 208 S.
- [24] *Habermas J.* Erläuterungen zur Diskursethik. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991. 229 S.
- [25] *Schönrich G.* Bei Gelegenheit Diskurs. Von den Grenzen der Diskursethik und den Preis der Letztbegründung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994. 187 S.
- [26] *Schnädelbach H.* Kant — der Philosoph der Moderne // *Kant in der Diskussion der Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996.
- [27] *Wellmer A.* Ethik und Dialog: Elemente des moralischen Urteils bei Kant und in der Diskursethik. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. 224 S.
- [28] *Zur Anwendung der Diskursethik in Politik, Recht und Wissenschaft / hrsg. Von Karl-Otto Apel und Matthias Kettner*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993. 372 S.

DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-2-240-252

RECEPTION OF ETHICS OF DISCOURSE IN MODERN PHILOSOPHY

L.I. Tetyuev

N.G. Chernyshevsky State University of Saratov
Astrachanskaja St., 83, Saratov, Russia, 410000

Abstract. The article analyzes the theoretical foundations of the modern project of rational ethics, in which the ethics of discourse is interpreted as a critical theory of society and a critic of modern morality. I. Kant was one of the first to offer the possibility of generalizing the norms of morality and perception of ethics as a transcendental critique of morality. Neo-Kantianism develops ethics as the most important part of the philosophical system and fixes its scope by the idealistic theory of morality (H. Cohen, P. Natorp).

In Russian philosophy, modern ethics is perceived as a normative theory that has to do with issues of self-determination, moral regulation, and freedom of choice. The origins of discourse ethics in the philosophy of the 20th century go back to the “pragmatic turn” and to vigorous discussions about hermeneutics of language and its a priori status in German philosophy, and in analytical philosophy regarding the understanding of metaethics. The modern program of ethics of discourse receives meaningful justification as the logic of moral argumentation in the social philosophy of J. Habermas and in the transcendental pragmatics K.-O. Apel. The ethics of discourse is born from the real need to justify moral requirements and norms. Ethics as a critique of moral argument is associated with the pre-reflexive horizon of the life world, why it is a deontological, formalistic and universal ethics. Two significant projects of discourse ethics, presented in the article as an analysis, should be defined as “weak and strong” variants of philosophical transcendental idealism in modern science.

Key words: ethics, discourse ethics, Kant's critical ethics, neo-Kantianism, ought, universal and transcendental pragmatics

REFERENCES

- [1] Belov VN. Jetika v sisteme filozofskogo kriticizma Germana Kogena [Ethics in the system of philosophical criticism of Hermann Cohen]. *Jeticheskaja mysl'. Ezhegodnik* [Ethical Thought. Yearbook]. Moscow: IF RAN; 2014. P. 174—199. (In Russ.).
- [2] Drobnickij OG. *Moral'naja filozofija*: Izb. Trudy [Moral philosophy: Works]. Moscow; 2002. (In Russ.).
- [3] Epifanova NN. Ponjatie “moral'nogo dolzhnogo”: I. Kant i neokantianstvo [The concept of “moral due”: I. Kant and Neo-kantianism]. *Problemy jetiki: istoriko-filozofskij i professional'nyj kontekst / otv. red. LI Tetjuev*. [Problems of ethics: historical-philosophical and professional context / resp. ed. LI Tetyuev]. Saratov: Nauka; 2015. P. 34—41. (In Russ.).
- [4] Kant I. *Lekcii po jetike* / per. AK Sudakova i VV Krylovoj. Obshh. red., sost. i vstupit. st. AA Gusejnova. [Lectures on ethics / transl. AK Sudakov and VV Krylova. Ed. AA Huseynov]. Moscow: Respublika; 2000. 431 p. (In Russ.).
- [5] Kant I. Issledovanie stepeni jasnosti principov estestvennoj teologii i morali [Study of the degree of clarity of the principles of natural theology and morality]. Kant I. *Soch.: v 6 t.* Moscow, 1963—1966. Vol. 2. P. 243—276. (In Russ.).
- [6] Kant I. Religija v predelah tol'ko razuma [Religion within the limits of reason only]. Kant I. *Traktaty i pis'ma* [Treatises and letters]. Moscow; 1980. P. 78—278. (In Russ.).
- [7] Kant I. Kritika prakticheskogo razuma, per. pod red. EYu Solov'eva [Criticism of practical reason / transl. by ed. EYu Solovyov]. Kant I. *Soch. na russ. i nem. jaz.: V 4 t.* Moscow; 1997. Vol. 3. 784 p. (In Russ.).
- [8] Myasnikov AG. Immanuel Kant i Vladimir Solov'ev: problema istolkovanija kategoricheskogo imperativa [Immanuel Kant and Vladimir Soloviev: the problem of interpreting the categorical imperative]. *Immanuel Kant i aktual'ny problemy sovremennoj filozofii / pod obshhej red. LI Tetjuev: v 2 t.* [Immanuel Kant and the problems of modern philosophy are relevant / under the general ed. LI Tetyuev]. Moscow: Action; 2005. V. 1. P. 146—147. (In Russ.).
- [9] Neokantianstvo nemeckoe i russkoe: mezhdru teorijej poznanija i kritikej kul'tury pod red. IN Grifcovej, NA Dmitrievoj [German and Russian Neo-Kantianism: between the theory of knowledge and the criticism of culture, ed. IN Griftsova, NA Dmitrieva]. Moscow: ROSSPEN; 2010. 567 p. (In Russ.).
- [10] Oizerman TI. Nravstvennoe soznanie i religija v sisteme I. Kanta [Moral consciousness and religion in the system of I. Kant]. *Kantovskij sbornik*. 1993; 17: 3—11. (In Russ.).
- [11] Rickert H. *Filozofija zhizni* [Philosophy of Life.]. Kiev: Nika-Centr; 1998. (In Russ.).
- [12] Rokmor TK. kritike jetiki diskursa [To the criticism of discourse ethics]. *Voprosy filozofii*. 1995; (1):106—117. (In Russ.).
- [13] Solovyov EYu. Znanie, vera, нравstvennost' [Knowledge, faith, morality]. *Nauka i нравstvennost'* [Science and morality]. Moscow, 1971. P. 214—226. (In Russ.).

- [14] Solovyov JeV. *Kategoricheskij imperativ npravstvennosti i prava* [The categorical imperative of morality and law]. Moscow: Progress-Tradition; 2005. 416 p. (In Russ.).
- [15] Sudakov AK. *Stoicheskaja i jepikurejskaja tendencija v jetike Kanta* [The Stoic and Epicurean tendency in Kant's ethics] Moscow: IF RAN; 1991. (In Russ.).
- [16] Tetyuev LI. Poma A. Kriticheskaja filosofija Germana Kogena [Poma A. Critical philosophy of Hermann Cohen]. *Voprosy filosofii*. 2012;12:189—190. (In Russ.).
- [17] Tetyuev LI. *Kant i sovremennaja prakticheskaja filosofija: Aktual'nye problemy i diskussii* [Kant and modern practical philosophy: Actual problems and discussions]. Saratov: IC Nauka, 2018. (In Russ.).
- [18] Habermas Ju. Jetika diskursa: zamechanija k programme obosnovanija [Discourse Ethics: Remarks on the Justification Program]. Habermas Ju. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. St. Petersburg: Nauka, 2000. P. 67—172. (In Russ.).
- [19] *Filosofija Kanta i osnovanija prakticheskoi filosofii: monografija*, pod obshh. red. VN Belov i LI Tetyuev [The philosophy of Kant and the foundations of practical philosophy: a monograph, ed. V.N. Belov and LI Tetyuev]. Saratov: New Project; 2013. 204 p. (In Russ.).
- [20] Apel K-O. Diskursethik als Verantwortungsethik — eine postmetaphysische Transformation der Ethik Kants. In: *Kant in der Diskussion der Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1996. S. 326—331. (In Germ.).
- [21] Habermas J. *Diskursethik — Notizen zu einem Begründungsprogramm*. In: *Habermas J. Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1983. S. 53—126. (In Germ.).
- [22] Habermas J. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. In: Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. In 2 Bd. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1988. Bd. 2. (In Germ.).
- [23] Habermas J. *Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1988. 208 S. (In Germ.).
- [24] Habermas J. *Erläuterungen zur Diskursethik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1991. 229 S. (In Germ.).
- [25] Schönrich G. *Bei Gelegenheit Diskurs. Von den Grenzen der Diskursethik und den Preis der Letztbegründung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1994. 187 S. (In Germ.).
- [26] Schnädelbach H. *Kant — der Philosoph der Moderne*. In: *Kant in der Diskussion der Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1996. (In Germ.).
- [27] Wellmer A. Ethik und Dialog: Elemente des moralischen Urteils bei Kant und in der Diskursethik. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1986. 224 S. (In Germ.).
- [28] *Zur Anwendung der Diskursethik in Politik, Recht und Wissenschaft*, hrsg. Von Karl-Otto Apel und Matthias Kettner. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1993. 372 S. (In Germ.).

Для цитирования: Тетюев Л.И. Рецепция этики дискурса в современной философии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2019. Т. 23. No 2. С. 240—252. doi: 10.22363/2313-2302-2019-23-2-240-252.

For citation: Tetyuev L.I. Reception of Ethics of Discourse in Modern Philosophy. *RUDN Journal of Philosophy*. 2019; 23 (2): 240—252. doi: 10.22363/2313-2302-2019-23-2-240-252.

Сведения об авторе:

Тетюев Леонид Иванович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (e-mail: tetjuewl@mail.ru).